

Научная статья

УДК 398.224: 811.512.157'366.58

DOI 10.25587/2782-4861-2026-3-198-210

ОБРАЗНЫЕ ГЛАГОЛЫ МИМИКИ НИЖНЕЙ ЗОНЫ ЛИЦА: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Л. Н. Герасимова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

Якутск, Россия

e-mail: gelinica@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено исследование глаголов, характеризующих мимику нижней зоны лица (зубы, губы, рот), по зонному делению лица лингвиста О. Д. Проскурнича, что является новизной исследования. Актуальность обусловлена недостаточной изученностью специфических особенностей образных глаголов якутского языка. Цель работы – структурно-семантический анализ образных глаголов, характеризующих мимику, и выявление их функциональных особенностей в эпическом тексте. Исследование проведено на основе 54 полных текстов олонхо, т. к. образные глаголы являются одним из распространенных художественно-выразительных средств, используемых мастерами сказительского искусства. Применены метод сплошной выборки для сбора материалов, анализ звукового состава слова, компонентный анализ на основе словарных дефиниций для раскрытия семантики слов; метод контекстуального анализа для выявления различных значений и оттенков значений исследуемых глаголов в контексте в зависимости от их функций. В ходе анализа образные глаголы мимики нижней зоны лица по семантической структуре были разделены на глаголы, характеризующие движение «раздвигать губы и показывать зубы» (*ардьай, арсай, ордьой, ырдьай*) и глаголы, изображающие «движение и форму губ» (*ньимий, оллой, омой, оппой, ортолдьуй, соллой, толлой*). В результате исследования выявлено, что звуки в составе образных глаголов якутского языка содержат определенную информацию, которая порождает значение слова, определяет отношение к репрезентируемому объекту; в текстах олонхо данные глаголы употребляются в форме причастий и деепричастий в сочетании со служебными глаголами, а также в редуцированной форме или в парной комбинации с другими образными глаголами, в качестве компонента сравнительной конструкции, что добавляет интенсивность, выразительность описываемым действиям; рассмотренные глаголы чаще всего участвуют в описании действий или характеристике внешнего вида персонажа, в большей части чудовищ абаасы. Перспективным видится дальнейшее изучение образных глаголов мимики верхней и средней частей лица.

Ключевые слова: якутский язык; образные глаголы; мимика; олонхо; структура; семантика; функция; нижняя зона лица; звуковой состав; словарная дефиниция; описание

Финансирование: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Культурные универсалии и регионально-локальные уникалии якутской эпической традиции: междисциплинарные исследования, цифровизация, технология популяризации».

Для цитирования: Герасимова Л. Н. Образные глаголы мимики нижней зоны лица: структура, семантика и особенности функционирования в эпическом тексте. *Эпосоведение*. 2026, 3(43), С. 198–210. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-198-210>

Original article

Figurative verbs of facial expression in the lower zone of the face: structure, semantics, features of functioning in an epic text

Liliya N. Gerasimova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,

Yakutsk, Russia

e-mail: gelinica@yandex.ru

Abstract. The article presents a study of verbs that characterize the facial expressions of the lower facial zone (teeth, lips, mouth) based on the facial zone division proposed by the linguist O.D. Proskurnich, which constitutes the novelty of the research. The relevance is due to the insufficient study of the specific features of figurative verbs in the Yakut language. The aim of the work is to conduct a structural and semantic analysis of figurative verbs that characterize facial expressions and to identify their functional features in an epic text. The study was conducted based on 54 complete olonkho texts, since figurative verbs are one of the common artistic and expressive means used by masters of the storytelling art. The continuous sampling method was used to collect the materials; the analysis of the sound structure of the word; component analysis based on dictionary definitions to reveal the semantics of the words; and the method of contextual analysis to identify the various meanings and shades of meaning of the verbs under study in context, depending on their functions. During the analysis, the figurative verbs describing facial expressions in the lower part of the face were divided according to their semantic structure into verbs characterizing the movement “to spread the lips and show the teeth” (*ardjay, arsay, ordjoy, yrdjay*) and verbs depicting “the movement and shape of the lips” (*nyimiy, olloy, omoy, oppoi, ortoldjuy, solloy, tolloy*). As a result of the study, it was revealed that the sounds in the figurative verbs of the Yakut language contain certain information that generates the meaning of the word, determines the relationship to the represented object; in olonkho texts, these verbs are used in the form of participles and adverbs in combination with service verbs, as well as in a reduplicated form or in paired combination with other figurative verbs, in as a component of the comparative construction, which adds intensity and expressiveness to the described actions; the verbs considered are most often involved in describing actions or characterizing the appearance of a character, in most of the abaasy monsters. Further study of figurative verbs related to facial expressions of the upper and middle parts of the face appears promising.

Keywords: Yakut language; figurative verbs; facial expressions; olonkho; structure; semantics; function; lower facial zone; sound composition; dictionary definition; description

Funding: The study was carried out as part of the research project of NEFU “Cultural universals and regionally localized unique features of the Yakut epic tradition: interdisciplinary research, digitalization, and popularization technology.”

For citation: Gerasimova, L. N. Figurative verbs of facial expression in the lower facial zone: structure, semantics, features of functioning in an epic text. *Eposovedenie*. 2026, 3 (43), pp. 198–210 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-198-210>

Введение

Мимика представляет собой важную форму невербальной коммуникации, через которую можно определить отношение, чувства, эмоции. Мимические движения могут быть изложены образными глаголами, которые, описывая действие, передают особенности выражения лица. В якутском языке образные глаголы являются одним из самых выразительных, богатых и разнообразных лексических слоев, специфические особенности которых недостаточно изучены.

Теоретические положения по образным глаголам якутского языка проложены Л. Н. Харитоновым в монографиях «Типы глагольной основы в якутском языке» (Харитонов, 1954), «Формы глагольного вида в якутском языке» (Харитонов, 1960), где исследователь рассмотрел их как отдельный тип глагольных основ якутского языка, предложил семантическую классификацию, привел видовые формы и отметил основные фонетические особенности. Современными

лингвистами посвящен ряд работ отдельным группам данных глаголов, таких как глаголы движения (Ефремов, 2018; Монастырев, 2018), глаголы, выражающие походку человека (Жиркова, 2017; Винокурова, Шамаева, 2018), глаголы, характеризующие лицо и мимику человека (Шамаева, Слепцова, 2020; Жиркова, 2025), глаголы, характеризующие части тела (Слепцова, 2021).

Лингвист О. Д. Проскурнич в своих работах по концептуализации мимических движений на материале русского и английского языков производит зонное деление лица (верхняя, средняя, нижняя) (Проскурнич, 2019). Данное деление мы решили использовать в исследовании образных глаголов, характеризующих мимику, в якутском языке, что ранее не было применено. Целью работы является структурно-семантический анализ образных глаголов, характеризующих мимику, и выявление их функциональных особенностей в эпическом тексте.

Эмпирический материал состоит из 54 полных текстов олонхо, так как образные глаголы являются одним из распространенных художественно-выразительных средств, используемых мастерами сказительского искусства. Методом сплошной выборки подобраны образные глаголы, которые передают картину выражений частей лица. Их мы разделили на три части – глаголы, характеризующие мимику верхней зоны лица (лоб, брови), глаголы, характеризующие мимику средней зоны лица (нос, глаза, веки) и глаголы, характеризующие мимику нижней зоны лица (зубы, губы, рот). Далее будут применены анализ звукового состава слова, компонентный анализ на основе словарных дефиниций для раскрытия семантики слов; метод контекстуального анализа для выявления различных значений и оттенков значений исследуемых глаголов в контексте в зависимости от их функций.

В данной статье нами будет представлено исследование глаголов, характеризующих мимику нижней зоны лица. Эти глаголы отражают действия, при котором участвуют зубы, губы, рот, каждый по отдельности или комплексно.

Образные глаголы, характеризующие движение «раздвигать губы и показывать зубы»

Если рассмотреть по характеристике движения «раздвигать губы и показывать зубы», то сюда входят глаголы *ардъай*, *арсай*, *ордьой*, *ырдьай*. Данные глаголы по фоно-семантической структуре, определяемой Л. А. Афанасьевым, являются фонетическими вариантами одной основы (Афанасьев, 1992: 39).

Глагол *ардъай* в толковом словаре имеет значение '1. скалить свои крупные и редкие зубы; 2. иметь большие промежутки, просветы' (ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка, 2004: 557). С фоно-семантической стороны, как объясняет Л. А. Афанасьев, идеофонема *a* в составе рассматриваемого глагола выдают значение большой формы предмета, идеофонема *p* – торчащий вверх вид, идеофонема *дь* – подкошенность, кривость (Афанасьев, 1992: 45, 75, 93). В образовании основы *ар-*, по мнению Л. Н. Харитонова, лежит «подражание рычанию нападающего, хватающего зубами зверя или собаки» (Харитонов, 1954: 219). Значит, данный глагол представляет движение, где широко раздвигая рот, человек или животное показывает или обнажает зубы, то есть при осуществлении данного действия участвуют не только зубы, но и рот. Таким образом, семантическая структура глагола содержит информацию движения одной части лица, а также демонстрацию строения и формы другой.

В зафиксированных примерах из текстов олонхо глагол *ардъай*, в первую очередь, участвует в описании портрета персонажа и его действий. Он, в большей степени, присутствует в описании героя чудовища *абаасы* и встречается в форме основы в следующих сочетаниях – «*адаабыдаа тиинэ ардъайда*» (оскалил торчащие в разные стороны зубы), «*аһаары гыммыт курдук ардъайда*» (оскалил зубы, будто собирается кушать). Также имеются фрагменты, где глагол *ардъай* используется в качестве определения лексем *тиис* (зубы), *айах* (рот), *аһыы* (клыки хищных зверей и некоторых других животных) в форме причастия на *-быт* – «*ардъайбыт айахтаах*» (с широко раскрытым ртом, откуда видны крупные и редкие зубы), «*ардъайбыт тиистээх*» (с выступающими крупными и редкими зубами), «*ардъайбыт аһыылаах*» (с оскаленными клыками) и в форме деепричастия на *-ан* с функционально-служебным глаголом *тур-* «*ардъай-*

ан турар аһыыта» (оскаленные клыки). В данном случае глагол *ардьай* усиливает признаки частей лица, таким образом придает образу чудовища *абаасы* больше безобразности и жуткости.

Кроме этого, глагол *ардьай* отмечен в редуцированном виде в форме деепричастия на -а: *Ардьайа-ардьайа ытаата бэрт улаханлык / тыа баһа сатарыаҕар диэри, / хараҕын уута саккырыы турда* (Абрамов, 2013: 98). 'Очень громко рыдал он, скаля редкие и крупные зубы, / Что отдалось в верхушках деревьев, / Лились струей слезы его'. Применение вышеуказанной формы прибавляет больше интенсивности и выразительности описываемым действиям персонажа.

Следует добавить, что употребление рассматриваемого глагола в форме причастий и деепричастий в сочетании с функционально-служебными глаголами добавляет изображению движений чудовища детализацию и зрелищность, например, *Ардьайабынан ардьайан баран, Анылынны турда* (Алексеев, 2002: 103). 'Оскалив зубы насколько может, / Стоял дергался'¹; *Ус чаас курдук / Унан ардьайа турбут* (Дуяков, 2011: 212). 'Оскалив свои редкие и крупные зубы, Стоял, потеряв сознание, / В течении трех часов'.

Помимо описания действий чудовищ *абаасы*, найден один пример, где производится характеристика движений животного – льва: *Хахай кыыл / Уйатын тула / Эргийэ-эргийэ, / Кыракый оҕону / Кыгнанны-кыгнанны кыгастаста. / Ардьайа-ардьайа адыласта* (Алексеев, 2002: 183) 'Лев / вокруг своего логова / ходил долго-долго, / Маленького ребенка / скривясь набок, высматривал. / Скаля свои крупные клыки, разглядывал'. Тут редупликация деепричастия на -а «обозначает повторность или многократность, а также длительность действия» (Грамматика, 1982: 245), то есть изображается медленное и протяженное движение персонажа, которое соответствует могуществу и величию царю зверей.

Как отмечает А. А. Кузьмина, «через диалоги, монологи и реплики можно представить отношения между персонажами, их социальный статус, взаимодействие с окружающим миром. Кроме того, речь персонажей может быть использована для раскрытия тематических аспектов произведения, включая обсуждение этических дилемм, моральных ценностей и общественных норм» (Кузьмина, 2024: 130). Поэтому использование образных глаголов в прямой речи помогает выразить отношение к персонажу, которому обращена речь или эмоциональное состояние говорящего персонажа. Так, в речи богатыря айыы Алаатыыр Ала Туйгуна обращенной к *абаасы*, глагол *ардьай* в форме деепричастия на -а в сочетании с частицей *сытый* «выражает пренебрежение, презрение, злобу говорящего» (БТСЯЯ, 2012: 501): *Аны мин сылаас хааммар инсэрэн, / Ардьайа сытыйан турдаххын, / Айабымсах муннаах / Аһы охсоору, / Сизмэх эрэйдээх / Сии тардаары / Тиэтэйдэҕин буолаахтыа* (Алексеев, 2002: 123). 'Теперь, проявив жадность на мою кровь / Оскалив свои зубы, злодей, стоишь, / Обжора бедный, / Побыстрее, захотев, покусать, / Жадный ты, бедняга / Скорее, пожелав, поест / Поспешил ты, видимо'. Вместе с тем, помимо изложения отношения, с помощью образного глагола становится ясным какими внешними особенностями обладает персонаж.

В реплике самого *абаасы* глагол в форме деепричастия на -аары в сочетании со служебным глаголом *гын-* (делать) обозначают «предстоящее, грозящее наступить в ближайшем будущем действие» (Грамматика, 1982: 249), к тому же с глаголом *аччыктаа* (голодать, чувствовать голод) в значении глагола из контекста выявляется дополнительный смысл «умереть, сдохнуть», в эмоциональном плане, чувствуется досада и тревожность персонажа: *Элбэх киһи мунньустан / Инсэ-хонсо элбээтэ. / Издэҕэйбэр тииспэккэ / Издэйээхтээн эрэбин. / Көҥкөйөн көппөйөөрү гынным, / Хоргуйан куотаары гынным, / Аччыктаан ардьайаары гынным* (Мартынов, 2010: 95) 'Народа много собралось / Жадности и обжорства приумножилось. / Не получив свой лакомый кусочек, начинаю беспокоиться. / Обессилюсь от истощения, / Откину копыта от жажды есть, / Сдохну (Оскалю зубы) от чувства голода'.

¹ Здесь и далее перевод автора

Как было отмечено выше, у глагола *ардбай* имеется два значения. В одном отрывке из текстов олонхо отмечено обозначение собирательного образа всех чудовищ и в нем глагол *ардбай* использован во втором значении с расширением смыслового содержания – увеличение количества предмета или объекта: *Дэгий тиистээх дэлэйбит, / Амырыын айах ардбайбыт, / Сойуо тыл чоронгообут* (Алексеев, 2002: 389) ‘Количество крючковатозубых увеличилось, клыкасто-пастных приумножилось, острозычных перевалилось’.

Во-вторых, в функциональном плане глагол *ардбай* отмечен в описании Нижнего мира, но так как обитателями являются те же существа, глагол участвует в отображении их дурного внешнего вида: *Абаанытын аймажа арбажастаах киһи курдук / Ардбайа сүүрэ, арсайа сизлэ сылыар дойдута эбит* (Охлопков, 2015: 24) ‘Это страна, где злые существа, будто люди с ветхими дохами, / оскалив зубы, носятся, заливаясь смехом, ощерив клыки, бегают рысцой, оказывается’.

В вышерассмотренном примере замечен глагол *арсай* ‘скалить редкие зубы при улыбке, смехе’ (ТСЯЯ, 2004: 560) в форме деепричастия на *-а*-, который, по семантической структуре, показывает похожее действие, как и *ардбай*, – раздвижение губ, обнажение редких зубов, но в данном глаголе есть отличающий компонент – формирование данного движения при улыбке или смехе. По наблюдениям Е. Е. Жирковой, «образные глаголы, содержащие в себе семантику улыбки, по природе своей звукомимичны, т. е. присутствует прямая связь значения и положения органов речи или части лица при произнесении слова» (Жиркова, 2025: 192). По структуре фоносемантики различает лишь идеофонема *с*, которая в роли модификата, выражает вспухший вид (Афанасьев, 1992: 94). Исходя из этого следует, что глагол *арсай* выражает эмоцию радости с помощью улыбки, а именно в описании Нижнего мира является одним из способов, с одной стороны, показывающих довольную жизнь, радость своих жителей, с другой стороны – дающих внешнюю характеристику обитателей.

Глагол *ордой*, означающий ‘иметь торчащие зубы (о человеке)’ (БТСЯЯ, 2010: 326), отражает не движение, а зрительное представление об округлом, кривом и торчащем виде зубов посредством идеофоном *о, р, дь*. В основе глагола содержится информация строения и формы части лица человека. С изученного материала, нами найден пример, где данный глагол в форме деепричастия на *-а* выступает в качестве определения слова *аһыы* (клыки хищных зверей и некоторых других животных) и употреблен в описании персонажа – девушки *абаасы*: *Күллэбинэ, ордойоо сылдыар аһыылаах, / Кыыс кизнэ кыраһаабайа буолан кубулунар / Уот Курбантай дизн / Кыыс балтылаахтар* (Степанов, 2019: 244). ‘Есть у них сестрица младшая / Уот Курбантай, / С торчащими клыками при улыбке, / Изображающая из себя самую красивую из девушек’. В дефиниции глагола отсутствует выражение эмоции, но в контексте имеется пояснение о том, что при улыбке персонажа появляется зрительное представление, таким образом, глагол *ордой* использован для подчеркивания внешних черт образа персонажа.

Глагол *ырдай* имеет следующее словарное определение: 1. скалить зубы, скалиться; 2. быть раскрытым, разинутым, зиять (БТСЯЯ, 2017: 455). Основу *ыр-* данного глагола Л. Н. Харитонов определяет, как «подражание ворчанию, спокойному рычанию зверя, при котором рот (пасть) закрыт, а зубы обнажаются приподнятием губ (собственно верхней губы)» (Харитонов, 1954: 219). Звуковой состав глагола, состоящий из идеофоном *ы, р, дь*, придает образ кривого и торчащего вверх предмета с предельно маленьким, узким пространством (Афанасьев, 1992: 57, 75, 92). Отсюда следует, что глагол *ырдай* показывает движение, при котором у человека или животного раздвигаются губы в стороны, рот приоткрывается и обнажаются зубы, таким образом, как будто рождается недобрая улыбка.

В текстах олонхо, глагол *ырдай* участвует в описании внешнего вида и движений персонажей, в первую очередь, *абаасы*. В характеристике внешнего вида *абаасы* глагол встречается в роли определения лексем «*айах*» (рот, пасть), «*сырай*» (лицо) в таких сочетаниях, как «*ырдайбыкка дылы айахтаах*» (с оскаленным будто бы ртом), «*ырдайбыт-ымайбыт сырайдаах*»

(лицо у него с оскалом и усмешкой), что придает описанию портрета *абаасы* пугающий и злобный вид.

В двух примерах отмечается употребление глагола *ырдъай* с глаголом *өл* (умирать, кончаться, погибать): 1) *Тишнэ ырдъайбытынан өлөн түһэн иһэрин / Сүүрүктээх сүүнэ өрүс уутугар / Биһии киһибит тиэрэ үрэн түһэрдэ* (Охлопков, 2015: 38). Падающего мертвым, оскалив зубы, / В воду большой реки с течением / Наш человек взял да и сбросил; 2) *Абыйахтык тырах-тырах / Тэбиэлэнэн баран, / Өлөн ырдъайан хаалла* (Попов, 2003: 125). Несколько раз / Дрыгнул ногами, / Умер и оскалил зубы. В данных случаях образный глагол дает описание лица умирающего, в котором изображается спазм мимических мышц, похожий на оскал, что подходит образу чудовища.

В отрывках, где повествуется движения *абаасы*, анализируемый глагол в нескольких примерах выражает эмоциональное переживание персонажа, а именно радость: 1) *Били бабайы билингини истэн баран, / Ыраабынан ырдъайбыта* (Мартынов, 2010: 129). ‘То чудовище, услышав это, очень обрадовался (оскалил); 2) *Уруку дьылга, былыргы үйэҕэ / Ыйы, ыйыбын, ынчыктыыртан / Ырдъайар этим эбээт! / Аһа диһиртэн ардьайар этим эбээт* (Мартынов, 2010: 147). ‘В давние времена, в былые века / От плача и стога, / Ведь, радовался (скалил зубы)!’; 3) *Улаат-халаат дьүһүннээхтэри... / Күнтэн бэссибэккэ / Ырдъайар-ымайар / Мунун күлүллэрэ* (Мүлдүөт Бөбө, 2014: 410). ‘Видных удалцов / От солнца пряча, / усмехались-радовались, / До упаду смеялись’. Е. Е. Жиркова объясняет, что рассматриваемый глагол «изображает улыбку в присущей для *абаасы* зловещей манере» (Жиркова, 2025: 192), т. е. этим глаголом обозначается улыбка и передается радость *абаасы*.

В репрезентации движений *абаасы* глагол *ырдъай* по своей семантической структуре, в основном, подходит к актам приема пищи и говорения. Например, в примере: *Аһаары-сиэри / Адаа-быдаа тиһин / Адыгыраччы ардьатта, / Ыйыстаары ынырыктык ырдъайда* (Алексеев, 2002: 100) ‘Настроенный покусать-насытится / Клыки свои обнажил, / Готовый проглотить зубы оскалил’ образным глаголом передается не только раскрытие огромного рта, но и передача именно неприятного и зловещего лица *абаасы*.

Помимо этого, обнаружено использование глагола *ырдъай* в сочетании с глаголом *ыллаа* (петь): *Абааһы уола / Тэһэ көрөн дьэбидийдэ, / Сунту көрөн сойуодуйда, / Быар куустан бы-акайда, / Өттүк баттанан өрбөйдө, / Сото кээһэн дьогдьойдо, / Ыллаан ырдъайан, / Туойан дьоллойон, / Этэн энсэйэн, / Санаран дьансыйан, / Өйдөтөн өлөрөр, / Сэрэтэн сиһир / Бабайы эбит ээ* (Александров, 2014: 92). ‘Сын *абаасы* / Насквозь смотря, побагровел, / Пристально посмотрел, / С видом важным / Подбоченившись, встал, / Ногу на ногу положил, / Зубы скаля, запел, / Тойук свой начал, / Словами жалобными, / Наставлениями краткими, / Объясняя, убивает / Предупреждая, ест / Негодяй этот, оказывается’ (Александров, 2022: 169). Такое комбинирование глаголов выбрана не случайно, так как во время пения с оскаленными зубами, когда губы растянуты в горизонтальную улыбку, «зажимается горло, появляется охриплость»², звук становится плоским, резким, гнусоватым, то есть голос *абаасы* слышится как хриплый, вибрирующий рык, что вызывает пугающий эффект.

Отмечен эпизод использования глагола *ырдъай* в значении второго лексико-семантического варианта, где смысловая возможность лексемы расширена на основе контекста: *Үс төгүрүк сылы мэлдьи / Күтүөттээн күскэйбит, / Ымсыран ырдъайбыт, / Бабаран малтайбыт* (Тарасов, 2010: 27). ‘На протяжении трех лет / располнел, пока ждал, когда станет женихом, / расплывлся от зависти, округлился от желания’.

В описании чудовищ *абаасы* глагол *ырдъай* употреблен в редуцированной форме деепричастия на *-а* в сочетании с глаголами *тус-* и *ытыр-*: 1) *Аччыктаабыт абааһылар /*

2 Джонс, 2001 – Джонс Д. *Вокальные техники, портящие голос*. <https://www.voiceteacher.com/damaging.html> (дата обращения: 22.06.2026 г.)

Аһыы-сии охсоору, / Абаран-сатаран тураннар, / Ытыра-ытыра таттылар, / Ырдьайа-ыр-дьайа түстүлэр (Алексеев, 2002: 302). 'Проголодавшиеся абаасы, чтобы успеть поесть, с гневным возмущением, хватаясь зубами, разорвали, с оскаленными зубами набросились'; 2) *Ол гынан баран / Таннары таралыйда, / Тизэрэ тизэрийбэхтээтэ, / Умсары хойуостанна, / Тарайа унга-унга саһыгыраата, / Көбөрө унга-унга күллэрэстээтэ, / Ырдьайа-ырдьайа ытырбахтанна, / Сарбайа-сарбайа тарбанна* (Алексеев, 2002: 236). 'Однако провалился вниз, наоборот перевернулся, кувырнулся ничком, лежа, раскинув руки и ноги, расхохотался, синевя, засмеялся до упаду, скаля зубы, съезжился, растопырявая пальцы, почесался'. Использование рассматриваемого глагола в такой форме придает контексту живость, выразительность, добавляет детализацию описываемому действию и, как четко было отмечено Е. Н. Афанасьевой, что редупликаты «задают тексту особый ритм и темп» (Афанасьева, 2013: 86).

Во-вторых, задействие глагола *ырдьай* наблюдается в описании движений девушки-богатырки, а именно в комбинации *ыстыыр тиһин ырдыатта* (букв. жевательные зубы оскалила). Помимо того, что *ырдьай* создает картину приоткрытого рта и обнаженных зубов, такое дополнительное детальное изложение и конкретизация движений героини усиливает смысл глагола и в смысловом отношении эпизода помогает раскрыть характерные качества персонажа, таких как серьезность намерений, строгость, опасность, желание пробудить страх неприятелю: *Айталы Куо обургу / Тэһэ көрөн дьэбидийэн, / Сунту көрөн сойуодуйан, / Ыстыыр тиһин ырдыатан, / Ыйыстар күмэйин көңкөтөн, / Ынырыктаах хаанын ылынан, / Ыраах ырыаны ыллаата, / Киэн кэпсэли кэпсээтэ* (Александров, 2014: 288). 'Айталы Куо девка / На него насквозь посмотрела, / Долго-молча посмотрела, / Зубы оскалила, / Горло свое прочистила, / Кровью лицо налилось, разгневалась, / Песню длинную запела, / Сказ долгий рассказала' (Александров, 2022: 561).

Выявленный глагол *ортолдьуй* 'резко двигать губами, зубами (от злости, волнения)' (БТСЯЯ, 2010: 338) показывает движение губ и зуб. Идеофонемы *о, р, т, л, дь, у*, из которых он состоит изображают торчащее, кривое и вертикальное положение одного объекта, а также округленную и гладкую форму другого объекта. Таким образом, глагол *ортолдьуй* одновременно передает информацию о двух органах – зубах и губах.

Как понимается из эпизода, глагол *ортолдьуй* в форме деепричастия на *-ан* и глагола *көһүн* 'стать доступным взору, показаться, виднеться' (БТСЯЯ, 2007: 367) в тексте участвует в описании орудия богатыря, где с помощью сравнительной конструкции раскрывается острота и величина богатырской пальмы-батас: *Туох да бокуойа суох / Уоллаах киһи уостаах тиһһэ / Ортолдьуйан көстөр / Оһуордаах уктаах, / Ойуулаах өнчөхтөөх / Уһун субуйа батанын сулбу тардан ылла да / Ортотунан курбуулаан барда* (Попов, 2003: 145). 'Без никакой передышки / резко выхватил и стегнул поперек / длинную пальму-батас / с узорчатой рукояткой, / с расписной спинкой, / словно виднеются резкие движения губ и зуб могучего богатыря'.

Образные глаголы, характеризующие «движение и форму губ»

В следующую группу образных глаголов, характеризующих мимику нижней зоны лица, входят глаголы, показывающие «движение и форму губ»: *нымий, оллой, омой, оппой, ортолдьуй, соллой, толлой*.

Глагол *нымий* означает '1. смыкать, плотно сжимать губы; 2. разг. замолчать, стать молчаливым, ходить молча, словно в рот воды набрал' (БТСЯЯ, 2010: 109). Идеофонемы *нь, и, м* в составе глагола создают образ мягкости, незаметности и объемности (Афанасьев, 1992: 84, 90). Значит, при глаголе *нымий* соединяются губы – мягкие и объемные по форме кожно-мышечные складки, плотно прижимаются и возникает неподвижность, тишина и отсутствие эмоций.

Из материала нами найден пример в прямой речи, обращенной богатырем абаасы к богатырю айыы: *Ити айылаах тылбын-өспүн / Сыыска-буорга бырабангын / Тунпут илигин төлөрүппэт, / Көрбүт хараххын чыпчылыбат, / Анныт аяххын нымийбэт, / Тэбиммит атаххын кубулуппат / Буоллаххына били хара сордоох / Истэр кулгааба бүөлэнэн, / Көрөр*

хараба сабыллан хаалбыт мунгуон (Захаров, 2010: с. 288). ‘Если высказанную мною всю молву / отбросишь и растоптаешь, / не отпустишь удержанную руку, / не моргнешь уставленными глазами, / не сомкнешь открытый рот, / не выпрямишь пнувшую ногу, / у того злосчастного / оглохнут его уши, / закроются его видящие глаза, ох, наказание’. Так как отрывок содержит просьбу, глагол *ньимий* использован для добавления сентиментальности, но, в то же время упорства, подходящее характеру богатыря, вместо прямого и четкого глагола «закрывать».

Следующие глаголы данной группы представляют зрительный образ губ. К ним относятся глаголы, показывающие сложение губ в «трубочку» – *омой* ‘иметь слегка приоткрытый маленький рот со сложенными в трубочку губами (обычно о ребенке)’ (БТСЯЯ, 2010: 282) и *оптой* ‘приоткрыть рот, сложив губы трубочкой (напр., при курении)’ (БТСЯЯ, 2010: 316). Главным звуком в фонематической структуре рассматриваемых глаголов является идеофонема *о*, которая содержит значение округлой, ограниченной формы (Афанасьев, 1992: 48). Идеофонема *м* в *омой* изображает небольшой, плавно-выпуклый вид, а идеофонема *п* в *оптой* – плоско-выпуклый вид. При сложении губ «трубочкой» рот слегка приоткрывается, зубы не сжимаются, круговая мышца рта напрягается и губы вытягиваются вперед, образуя открытый круг, чтобы воздух проходил. Таким образом, несмотря на близкую семантическую структуру, глаголы *омой* и *оптой* отличаются выпуклостью представляемого объекта, то есть в *омой* мышцы губ менее напряжены, чем в *оптой*. Следует отметить, согласно словарным дефинициям, *омой* отражает зрительный образ, а *оптой* – движение. Как показывают примеры, данные глаголы используются в редуцированной форме деепричастия на *-а* в сочетании с глаголом *уон* – ‘брать что-л. в рот, держать что-л. во рту, набивать себе чем-л. рот’ (БТСЯЯ, 2015: 205) в аналогичных контекстах – в эпизодах описания сытной трапезы богатыря айы – и представляют вероятность результата чередования согласных в пределах одной морфемы. Можем предположить, что сказители внесли свою вариативность в использовании эпической формулы и данные глаголы использованы для создания рифмы и передачи образности: *Эрбэхчин Мэргэн ... үтүө киһи кэлиэн үс күнтэн билэн үнкүүлүү турар үрүг көмүс остуолугар күрүлээчи кутан баран, омойо-омойо уобан, ырбайа-ырбайа ыстаан, нуутунан уобан, полнуутунан ыйыстан «кылк» гыннаран истэ* (Орто Халыма олонхолоро, 2016: 76). ‘Эрбэхчин Мэргэн ... на серебряный стол, который предвидя за три дня приезд доброго человека начинает пританцовывать, с шумом все налаживает, затем, слегка приоткрывая рот со сложенными в трубочку губами, набивает все в нем, улыбаясь, разжевывает, всовывает пуд, проглатывает полпуда со звуком «кылк»’; *Киирэн аһыыр: улуу очут киһи кыдаматын саба пиилкэлээх, хопто саба ньуоскалаах, көлүгү күүл саба бүлүйдэлээх, нуутунан уобар, полнуутаннан ыһыстар, ымайа-ымайа ыстыыр, оппойо-оппойо уобар...* (Орто Халыма олонхолоро, 2016: 50) ‘Заходит и садиться кушать: вилка у него величиной больших длинных вил лучшего сенокосчика, ложка у него равная совковой лопате, блюдо у него с озера, набивает себе в рот пуд, проглатывает полпуда, усмехаясь, разжевывает, приоткрывая рот трубочкой, всовывает все...’.

Далее к глаголам, отражающим визуальный образ губ, относятся *оллой*, *соллой* и *толлой*. Данные глаголы характеризуют человека, имеющего толстые или пухлые губы, они выражают анатомическую особенность губ, а именно объем и полноту. Глагол *оллой*, значение которого «иметь длинное лицо с вытянутыми толстыми губами» (БТСЯЯ, 2010: 255), состоит из идеофонем *о* и *л*, отображающих гладкую округлую и выпуклую форму изображаемого объекта (Афанасьев, 1992: 48, 83).

В примерах из олонхо этот глагол отмечен в форме деепричастия на *-ан* и сочетании с глаголами *көһүн* – ‘стать доступным взору, показаться, виднеться’ (БТСЯЯ, 2006: 367) и *тур* – ‘стоять’ (БТСЯЯ, 2014: 154) в составе сравнительных конструкций: во-первых, в создании образной картины стоящих богатырей айы, где губы становятся главным элементом сравнения, а также особенностью внешнего вида богатырей: *Кырдьыктаах Айыһыт / Кириэппэлээн биэрбит киһитигэр / Бэйэбит бэйэбитигэр дьүөрэли буолангыт / Ойох ылаары / Тобус улуу*

иштэннээн / Тобус умуу тагнаһын / Уоскутуттан тэлэн ылыахха дылы / Оллойон турангыт, / Тойуккут туспа буолбутун / Көрдүгүт эрэ мань! (Тарасов, 2010: 105) ‘Сейчас, когда вы / Собираетесь взять в жены / Подходящую и равную вам суженую, / Определенную истинным Айыысытом, / Вы стоите с удлинённым лицом и вытянутыми толстыми губами, / Из которых можно проложить / Сшитые девятью великими мастерицами-швеями / Девятислойную одежду, / И только посмотрите-ка, / Как ваш тойук стал особым!’; во-вторых, в описании богатыря абаасы, где выпуклость губ уподобляется замершей проруби, которая отображает холод, твердость, бледность, что помогает раскрытию персонажа Нижнего мира: *Оспут ойбон үүтүн курдук / Оллоруттабас уос оллойон көһүннэ, / Улуу уус дьэбиннээх арбыйатын курдук / Биэс-түөт күөх тиистэр көһүннүлэр, / Сынаабын унуобуттан / Улуу уус хааннаах хойгуотун курдук / Сойуу хара тиис / Хаансаар муннун хабырыйбытынан / Өрө үүнэн тахсан, / Сүүһүн оттоотунаабы / Харабын туомун тэһэ аалара / Илии ангара эрэ хаалбыт, / Биир ыт аһыта / Таннары үүнэн киирэн, / Сүрэҕин быатын быһа аалара / Илии ангара эрэ хаалбыт* (Попов, 2003: 50). ‘Словно замершая ямка проруби / Вздутые мясистые губы проступили наружу, / Как резной долотный инструмент великого кузнеца / Показались девять зеленых зубов, / Из его нижней челюсти, / Подобно окровавленной кирке великого кузнеца, / Острый черный зуб / Через носовую полость / Проткнулась вверх, / До прокола его глаза / В середине лба / Осталась лишь половина руки, / Один зуб, равный собачьему клыку, / Вростал внутрь, / До струны сердца / Осталась лишь половина руки’.

Глагол *соллой* ‘иметь большие толстые губы, придающие лицу некрасивый вид’ (БТСЯЯ, 2011: 510) по фонематической структуре отличается от *оллой* наличием идеофонемы *с*, которая “изображает вспухший или распростертый по какому-л. форме вид” (Афанасьев, 1992: 95). Отсюда следует, что к выпуклости представляемого объекта данная идеофонема добавляет расплывчатость, раскинутость и формирует неэстетичность.

В примере: *Этэрбэс аанын курдук / Элэйэ-элэйэ ингээннээтэ, / Сутуруо аанын курдук / Соллойо-соллойо чугаһаата, / Матаба аанын саба / Маанньаста-маанньаста манньыйда, / Сымыһаба сыма омуһабын саба / Сыллайа-сыллайа / Сыллаары сынграхтаата* (Алексеев, 2002: 115). ‘Подобно отверстию торбасов, / Повисая, прильнул, / Подобно отверстию наколенника, / С отвислыми губами приближался, / Размером с горловину сумы ртом, / Умиляясь распустил слюни, / Нижней толстой губой, / Размером с яму кожаного мешка / И вывернутой наружу, / Сбравшись поцеловать, / Шмыгнул носом’ глагол *соллой* употреблен в форме редупликации деепричастия на *-а* и в качестве субъекта сравнения отображает непривлекательный, противный внешний вид богатыря абаасы.

В двух отрывках из олонхо «Көр Буурай» встречается устойчивое выражение *ытаан ырбай, согоон соллой* «заплачешь – растянешь губы, порываешь – отвиснут губы» с использованием глагола *соллой*, который показывает воздействие рыдания на организм и внешний вид человека, а именно опухлость губ и лица. Данная фраза в олонхо применена перед прямой речью для передачи измученности, безвыходности персонажа: *Абааһы уола бабайы / Ытаан ырбайда, / Согоон соллойдо, / Ыллаан ырданнаата, / Туойан доллонгоото* (Александров, 2014: 105). ‘Сын чудовища абаасы, / заплакал – растянул губы, зарыдал – отвисли толстые губы, / запев, оскалил зубы, тойук завел’.

Глагол *толлой* со значением ‘иметь большие и пухлые губы’ (БТСЯЯ, 2013: 432) состоит из фонем *т, о и л*, символизирующих плавно выпуклую и округленную, но в то же время плотную форму объекта (Афанасьев, 1992), то есть звук *т* прибавляет утолщение. В олонхо разбираемый глагол в форме деепричастия на *-ан* употреблен в детальной характеристике образа девушки-удаганки абаасы, в частности губ: *Быһыы-таһаа быакайан, / Дьүһүн-бодо сылбыйан, / Уоһун дуома толлойон, / Сирэйин дуома сириттэн, / Моонньун күөкэтэн / Айыы оҕотун иннигэр / Биил баттанан биэкэлдьийдэ, / Өттүк баттанан өкчөрөнгөөтө, / Сирэйэ-хараба сылланнаата, / Сыыһа-сыраана сыннылыйда* (Никифоров, 2012: 156). ‘Медленно двигаясь со своей тонкой

талией, / Облик свой плавно сменяя, / Губы свои надув, / Лицо своё от земли подняв, / Шею вытянув, / Перед дитем Айыы, / Подбоченившись, походила, / Руки в боки уперев и сгорбившись, / Быстро пошлагала, / Лицо сморщилось, / Слюни-сопли потекли'. В примере глагол *толлой* наглядно губам добавляет объем, округлость для привлечения внимания.

Заключение

Таким образом, звуки в составе образных глаголов якутского языка содержат определенную информацию, которая порождает значение слова, определяет отношение к репрезентируемому объекту. Анализ функциональных особенностей образных глаголов, характеризующих мимику нижней части лица, показывает, что в текстах олонхо данные глаголы употребляются в форме причастий и деепричастий в сочетании со служебными глаголами, а также в редуцированной форме или в парной комбинации с другими образными глаголами, в качестве компонента сравнительной конструкции, что добавляет интенсивность, выразительность описываемым действиям. Рассмотренные глаголы чаще всего участвуют в описании действий или характеристике внешнего вида персонажа, по большей части чудовищ абаасы. Перспективным видится дальнейшее изучение образных глаголов мимики верхней и средней частей лица.

Литература

- Абрамов, 2011 – Абрамов Н.А.-Кынат. *Ньургун Бэбэ*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2011. 512 с. (на якутском яз.)
- Абрамов, 2013 – Абрамов Н.Т. Удабагтар Уолумар Айгыр икки. В кн.: Илларионов В.В. (ред.) *Дьулэй нэһилиэгин олонхолоро*. Дьокуускай: ГЧУО ААХНПИ, 2013. С. 66–122. (на якутском яз.)
- Александров Н.С., 2014 – Александров Н.С.-Ынта Никиитэ. *Көр Буурай*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2014. 336 с. (на якутском яз.)
- Александров Н.С., 2022 – Александров Н.С.-Ынта Никиитэ. *Көр Буурай*: олонхо. Дьокуускай: Дани-Алмас, 2022. 620 с. (на якутском яз.)
- Алексеев Р.П., 2002 – *Алаатыыр Ала Туйгун*: үс үйэлээх олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2002. 344 с. (на якутском яз.)
- Афанасьев, 1992 – Афанасьев Л.А. *Фоносемантика образных слов якутского языка*: дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1992. 133 с.
- Афанасьева, 2013 – Афанасьева Е.Н. *Семантические модификации лексических единиц в современном якутском языке*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. 172 с.
- БТСЯЯ 2007–2018 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыллаах улахан тылдьыта. Новосибирск: Наука; 2007–2018.
- Винокурова, Шамаева, 2018 – Винокурова О.С., Шамаева А.Е. Образные глаголы якутского языка в сравнении с их параллелями в монгольском языке (на материале глаголов, обозначающих походку человека). В кн.: Прокопьева А.К. (ред.) *Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков*: Материалы Международной научно-практической конференции (18–19 октября 2018 г., г. Якутск). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. С. 45–49.
- Грамматика, 1982 – *Грамматика современного якутского литературного языка*: [в 2 томах]. М.: Наука, 1982. 495 с.
- Дуяков, 2011 – Дуяков Г.В. *Кыыс Дьуурайа бухатыыр*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2011. 288 с. (на якутском яз.)
- Ефремов, 2018 – Ефремов Н.Н. Образные глаголы движения в якутском языке. в кн.: Чумакаев А.Э. (ред.) *Алтайский язык и его диалекты: современное состояние, перспективы развития*: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного алтайского ученого-лингвиста М.Ч. Чумакаевой, избранные труды и полевые материалы М.Ч. Чумакаевой (10–11 октября 2018 г., г. Горно-Алтайск). Горно-Алтайск: Горноалтайская типография; 2018. С. 50–58.
- Жиркова, 2017 – Жиркова Е.Е. Особенности образных глаголов, выражающих походку человека, в якутском языке (с привлечением материала японского языка). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2017, 3(20), С. 118–124.

Жиркова, 2025 – Жиркова Е.Е. Образная лексика звукомимического происхождения, характеризующая выражение лица персонажей олонхо. *Этосоведение*. 2025, 3(39), С. 188–197. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-188-197>.

Захаров, 2010 – Захаров Н.М. Кинэли Хаадыт. В кн.: Алексеев Н.А. (ред.) *Горнай олонхолоро*: олонхолор. Якутск: Бичик, 2010. С. 223–297. (на якутском яз.)

Кузьмина, 2024 – Кузьмина А.А. Передача прямой речи персонажей в якутском героическом эпосе олонхо. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2024, 1(21), С. 127–139.

Мартынов, 2010 – Мартынов М.З. *Уол Дуолан бухатыыр*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2010. 248 с. (на якутском яз.)

Монастырев, 2018 – Монастырев В.Д. Структурно-семантические особенности образных глаголов, характеризующих движение (на материале якутского и монгольского языков). В кн.: Прокопьева А.К. (ред.) *Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков*: Материалы Международной научно-практической конференции (18–19 октября 2018 г., г. Якутск). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. С. 86–92.

Никифоров, 2012 – Никифоров К.Н. *Хабытта Бэргэн*: олонхо. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 388 с. (на якутском яз.)

Орто Халыма олонхолоро, 2016 – Орто Халыма олонхолоро: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2016. 280 с. (на якутском яз.)

Охлопков, 2015 – Охлопков Е.Г.-Буоратай. *Алантай Боотур*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2015. 192 с. (на якутском и рус. яз.)

Попов, 2003 – Попов Н.Ф. *Тойон Ньургун*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2003. 240 с. (на якутском яз.)

Проскурнич, 2019 – Проскурнич, О.Д. Концептуализация мимики и механизмы интерпретации мимических движений в языке (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2019. 208 с.

Саввин, 2014 – Саввин М.И. *Мулдьүт Бөбө*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2014. 520 с. (на якутском яз.)

Слепцова, 2021 – Слепцова О.Д. Образные глаголы, характеризующие части тела человека в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольского языка. В кн.: Варламов А.Н. (ред.) *Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2021. С. 182–185.

Степанов, 2019 – Степанов Г.А. Булаадар Бухатыыр: олонхо. В кн.: Жирков А.Н. (ред.) *Хотугу сахалар олонхолоро*. Дьокуускай, 2019. С. 240–271. (на якутском яз.)

Тарасов, 2010 – Тарасов Г.М. Мүгүлү Бөбө. В кн.: Алексеев Н.А. (ред.) *Горнай олонхолоро*: олонхолор. Якутск: Бичик, 2010. С. 15–151. (на якутском яз.)

ТСЯЯ, 2003–2006 – Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Новосибирск: Наука, 2003–2006.

Харитонов, 1954 – Харитонов Л.Н. *Типы глагольной основы в якутском языке*. М.; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 312 с.

Харитонов, 1960 – Харитонов Л.Н. *Формы глагольного вида в якутском языке*. М.; Ленинград: Изд-во Академия наук СССР, 1960. 179 с.

Шамаева, Слепцова, 2020 – Шамаева А.Е., Слепцова О.Д. Образные глаголы, характеризующие лицо человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольских языков. *Мир науки, культуры и образования*. 2020, 6(85). С. 478–481.

Шараборин-Кумаарап, 2008 – Шараборин-Кумаарап М.Т. *Улуу Даарын бухатыыр*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2008. 272 с. (на якутском яз.)

References

- Abramov NA.-Kynat. *Nyurgun Bege*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2011. 512 p. (in Yakut)
- Abramov NT. Shaman-girls Uolumar and Aygyr. In: Illarionov VV. (ed.) *Olonkhos of the Djuley nasleg*. Yakutsk: GChuoAAKhNPI Publ., 2013, pp. 66–122. (in Yakut)
- Aleksandrov NS. *Ker Buuray*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2014. 336 p. (in Yakut)
- Aleksandrov NS. *Ker Buuray*: olonkho. Yakutsk: Dani-Almas Publ., 2022. 620 p.

- Alekseev RP. *Alaattyır Ala Tuıgun*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2002. 344 p. (in Yakut)
- Afanasyev LA. Phonosemantics of figurative words in the Yakut language: Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk: 1992. 133 p. (in Russian)
- Afanasyeva EN. *Semantic Modifications of Lexical Units in the Modern Yakut Language*. Yakutsk: Publ. House of NEFU, 2013. 172 p. (in Russian)
- Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vols. Novosibirsk: Nauka Publ., 2007–2018.
- Vinokurova OS., Shamaeva AE. Figurative verbs in the Yakut language in comparison with their parallels in the Mongolian language (based on verbs denoting human gait). In: Prokopeva AK. (ed.) *Comparative and contrastive study of Turkic and Mongolic languages: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (October 18–19, 2018, Yakutsk). Yakutsk: Publ. House of NEFU, 2018, pp. 45–49. (in Russian)
- Grammar of the Modern Yakut Literary Language: [in 2 volumes]. Moscow: Nauka, 1982. 495 p. (in Russian)
- Duyakov GV. *Kyys Djuuraia bukhattyır*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2011. 288 p. (in Yakut)
- Efremov NN. Figurative verbs of movement in the Yakut language. In: Chumakaev AE. (ed.) *The Altai language and its dialects: current state and development prospects: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of the renowned Altai linguist M.Ch. Chumakaev, selected works and field materials by M.Ch. Chumakaev* (October 10–11, 2018, Gorno-Altaysk). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Publ. House, 2018, pp. 50–58. (in Russian)
- Zhirkova EE. Features of figurative verbs expressing human gait in the Yakut language (with reference to material from the Japanese language). *North-Eastern Journal of Humanities*. 2017, 3(20), pp. 118–124. (in Russian)
- Zhirkova EE. Figurative vocabulary of sound-mimetic origin, characterizing the facial expressions of olonkho characters. *Eposovedenie*. 2025, 3(39), pp. 188–197 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-188-197>.
- Zakharov NM. Kineli Haadyyt. In: Alekseev NA. (ed.) *Gornay olonholoro*. Yakutsk: Bichik Publ., 2010, pp. 223–297. (in Yakut)
- Kuzmina AA. The rendering of characters' direct speech in the Yakut heroic epic olonkho. *Vestnik of NEFU*. 2024, 1(21), pp. 127–139. (in Russian)
- Martynov MZ. *Uol Duolan bukhattyır*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2010. 248 p. (in Yakut)
- Monastyrev VD. Structural and semantic features of figurative verbs describing movement (based on the material of the Yakut and Mongolian languages). In: Prokopeva AK. (ed.) *Comparative study of Turkic and Mongolian languages: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (October 18–19, 2018, Yakutsk). Yakutsk: Publ. House of NEFU, 2018, pp. 86–92. (in Russian)
- Nikiforov KN. *Khabytta Bergen*: olonkho. Yakutsk: Publ. House of NEFU, 2012. 388 p. (in Yakut)
- Orto Khalyima's olonkhos: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2016. 280 p. (in Yakut)
- Okhlopkov EG. *Alantay Bootur*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2015. 192 p. (in Yakut and Russian)
- Popov NF. *Toyon Nyurgun*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2003. 240 p. (in Yakut)
- Proskurnich, OD. Conceptualization of facial expressions and mechanisms of interpreting facial movements in language (based on the material of English and Russian): Candidate's dissertation (Philology). Tambov: 2019. 208 p. (in Russian)
- Savvin MI. *Myldjuet Bege*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2014. 520 p. (in Yakut)
- Sleptsova OD. Figurative verbs characterizing human body parts in the Yakut language in comparison with their parallels in the Mongolian language. In: Varlamov AN. (ed.) *Languages and culture of the khomus of the peoples of Eurasia: speech and musical communications*. Yakutsk: Publ. House of NEFU, 2021, pp. 182–185. (In Russian)
- Stepanov GA. Bulaadar Bukhattyır: olonkho. In: Zhirkov AN. (ed.) *North Sakha's olonkhos*. Yakutsk: Bichik Publ., 2019, pp. 240–271. (in Yakut)
- Tarasov GM. Myugyulyu Bege. In: Alekseev NA. (ed.) *Gornay olonholoro*. Yakutsk: Bichik Publ., 2010, pp. 15–151. (in Yakut)
- Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vols. Novosibirsk: Nauka Publ., 2003–2006.
- Kharitonov LN. *Types of verbal stems in the Yakut language*. Moscow; Leningrad: Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. 312 p. (in Russian)
- Kharitonov LN. *Forms of the verbal aspect in the Yakut language*. Moscow; Leningrad: Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 179 p. (in Russian)

Shamaeva AE., Sleptsova OD. Figurative verbs characterizing a person's face in the Yakut language in comparison with their parallels from Mongolic languages. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020, 6(85), pp. 478–481. (in Russian)

Sharaborin-Kumaarap MT. *Uluu Daaryn bukhatyur*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2008. 272. (in Yakut)

Об авторе

Герасимова Лилия Николаевна, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Олонхо, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-9594-7824, e-mail: gelinica@yandex.ru

About the author

Liliya N. Gerasimova, Senior Researcher, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-9594-7824? e-mail: gelinica@yandex.ru

Конфликт интересов / Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 11.08.2026

Поступила после рецензирования / Revised 05.09.2026

Принята к публикации / Accepted 23.09.2026